

Осень 1888 года.

(Посвящается товарищамъ).

I.

«Бывали хуже осени, да не было подлѣй!..» Не было, да и быть не можетъ! ибо, даже наиспособнѣйшій и наизобрѣтательнѣйшій по части всяческихъ подлостей и гадостей, умъ подлѣе ничего выдумать не можетъ: въ Сентябрѣ—страшная сушь и июльскій зной, а когда выдается денекъ прохладный, сырѣнкій—буря; во взятыхъ мѣстахъ (южная часть Саратовскаго уѣзда) почти полное отсутствіе краснаго звѣря; въ концѣ Сентября—начало злой чумы, захваченной въ сѣѣзжей охотѣ.

Съ первыхъ чиселъ Октября—дожди, слякоть и усиленіе—незванной гостьи—чумы; съ половины—морозы: заковало; въ концѣ—снѣжокъ, мятели и одна-двѣ морозныхъ пороши.

Не везетъ все время до невозможности.

Въ началѣ Ноября—санный путь, нѣсколько немудрыхъ порошковъ, нѣсколько прекрасныхъ бурь и—оттепель: снѣгъ согнало, санный путь рушился, началась снова слякоть, снова чума отрыгнула!.. и будь эта клятая осень предана суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то даже составъ самыхъ наисердобольнѣйшихъ изъ нихъ, оправдывающій всѣхъ и вся, направо и налево сыпящій, — «нѣтъ, невиновенъ!» и то бы, устами своего старшины, провозгласилъ: «да, виновна и даже не заслуживаетъ снисхожденія!..»

Заговоривъ о чумѣ, я считаю умѣстнымъ выразить слѣдующее убѣжденіе, убѣжденіе, выработанное многолѣтнимъ опытомъ, а именно: отъ заразной, съ тифознымъ свойствомъ, со-

бачей чумы, также, какъ и отъ чумы рогатой скотины, радикальныхъ средствъ, несмотря на массу предлагаемыхъ, яко бы таковыхъ,—нѣтъ...

II.

Опять за Волгой.

Волга, Волга, рѣка многоводная!..

Здравствуйте, Левъ Семеновичъ!.. Какими судьбами?.. радостно привѣтствую входящаго Жегина.

— А вотъ—Саша просилъ съѣздить, сказать вамъ, что нашихъ волковъ, въ среду, намѣревается взять Мейнридь, такъ надо, вмѣсто 28 числа (Августа), какъ было уговорились, взять ихъ 23, отвѣчаетъ тотъ, подсаживаясь къ письменному столу.

— Да вѣдь право охоты на Шаловомъ островѣ арендовано вами!.. Такъ какъ-же это возможно?! недоумѣваю.

— А очень просто: хохлы говорятъ, что вамъ мы сдали птицу, а звѣря, кто бы не распужалъ, намъ все равно, лишь бы скорѣй, а то больно много «лошенковъ»*) порѣзали, отвѣчаетъ...

Нечего дѣлать: всего то подвытыхъ 2 выводка, и изъ этихъ-то одинъ хотятъ изъ зубовъ вырвать... 23-го, такъ 23-го—и 22-го числа, около 2 часовъ пополудни, подъ сильнымъ солнцепекомъ, моя охотка, 27 гончихъ и 3 своры борзыхъ, да 2 Червяковскихъ своры, остановились въ ожиданіи погрузки, въ затонѣ города Саратова, а чрезъ нѣсколько минутъ подѣхалъ на извоникѣ и Ваничка, за скоропалительностью выступленія, не успѣвшій привести своры изъ имѣнія, а вооруженный по сему случаю двухстволкой.

Ужъ не разъ мнѣ приходилось упоминать въ своихъ разсказахъ, что Саратовскій городской перевозъ—верхъ всякаго безобразія, но хуже даннаго раза переправляться никогда еще не приходилось!

Одну-разъединую баржу биткомъ набиваютъ повозками, заставивъ людей забраться на носъ и крышу (баржа кры-

*) Жеребать.

тая) баржи, а частью на повозки. Подъ повозками, подъ самыми ногами чужихъ лошадей, укладывается стая; съ борзыми, кое какъ, устраиваются около выхода. Тѣснота невозможная. На счастье капитанъ объявляетъ, что первый разъ будемъ пытаться счастье пройти прямо чрезъ проранъ (протокъ Волги). До сихъ же поръ ходили кругомъ, т. е. спустившись вдоль саратовскаго берега, верстъ на 8—9, внизъ по Волгѣ, огибали Казачій островъ и ужъ по ту сторону его, коренной Волгой, противъ теченія, тащились съ Покровской слободы, дѣлая такимъ образомъ въ одинъ конецъ около 30 верстъ.

Эхъ Волга, Волга, рѣка многоводная, давно ли ты была дѣйствительно таковою,—многоводною, красавицей изъ красавицъ великихъ русскихъ рѣкъ!.. Теперь же, благодаря халатности русской натуры, излюбленнымъ авось, небось, да какъ нибудь, и крѣпости нашей заднимъ умомъ, засорило, за-тащило тебя всю песками сыпучими и ужъ не многоводная ты стала, кормилица, а многопесчаная!.. Сердце кровью обливается, глядя на эти страшныя песчаныя груды, годъ отъ года сильно растущія, не взирая на массу тратящихся на борьбу съ ними денегъ, всѣ проекты, плотины, пескочерпательныя и т. п. машины и сооруженія... Нѣтъ ужъ видно: ахъ, увы, что миновало, намъ того не воротить...

Попытка увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ: прошли прораномъ безпрепятственно и не успѣли мы съ Ваничкой послѣ завтрака выпить бутылку «Калинкинскаго», раздался свистокъ, возвращающій о приставаніи.

По какому-то чуду, ни собаки, ни лошади поврежденій никакихъ не получили. Просто гора съ плечъ свалилась, когда, выгрузивъ охоту и повозку на хохлацкій берегъ, разобравъ собакъ и сѣвъ на коней, двинулись въ слободу...

— Эй, охотники! Вы куда? Моста нѣтъ, его разнесло! кричить какой-то догадливый мазепа.

Оказывается точно: мостъ чрезъ ерикъ разбило плотомъ и сообщеніе съ слободой поддерживается помощью бесплатнаго парома.

Паромщикъ оказался знакомымъ (въ 6 часу онъ перевозилъ охоту на Шумейковскій островъ, а его хохлуша бро-

дила для насъ раковъ) и получивъ двугривенный въ зубы, перевозить насъ однихъ, самыми первыми, испросивъ лишь дозволенія прихватить повозку съ почтой...

Останавливаемся въ самомъ Покровскомъ. Съ вечернимъ рейсомъ прѣзжаютъ нѣсколько человѣкъ ружейниковъ, членовъ частнаго кружка, арендующаго Шаловъ островъ для охоты, и всей компаніей отправляемся коротать вечеръ въ хохлацкій клубъ. Помѣщеніе клуба оказывается вполне приличнымъ. Кто садится въ сибирку, кто принимается катать шары, играя въ какую-то новую, дурацкую и теперь у насъ весьма популярную игру, ботифонъ. Левушка, прекрасный стрѣлокъ изъ ружья, оказывается хорошимъ и биллиарднымъ игрокомъ, и вздуваетъ всѣхъ. Въ особенности достается азартному Ванчикъ. Зато ужинаемъ дружно, всѣ вмѣстѣ и спать ложимся не рано.

Ночь наволочная, темная; дорога по слободѣ—самъ чертъ ногу сломить. Малость проспавъ, тороплюсь выбраться въ степь, чтобы не опоздать на провѣрку, а выбравшись, пускаю Дольку полной рысью; Тимофей едва поспѣваетъ вскачь, а Левушка, пожелавшій сопутствовать, остается позади.

Перебрались въ бродъ на Шаловъ и вотъ желанная дубина (дубовая грива).

— Гдѣ гнѣздо? спрашиваю, ѣздившаго на подвывку, Тимофея.

Указываетъ... Зорька тихая.

Только завыли,—вдоль берега идущій пароходъ начинаетъ давать свистки. За первымъ пароходомъ слѣдуетъ второй, за вторымъ—третій. Идутъ всѣ подъ самымъ берегомъ и свистятъ... Конечно волки не отзываются.

Мрачные, идемъ назадъ. Добравшись до Шалова хутора, залѣзаемъ на ометъ соломы, стоящей около самой дороги и, въ ожиданіи прихода охоты, отдаемъ въ объятія Морфея.

Запоздали охотнички малость и когда набросили дубину, было уже не рано.

Брошенные не на логова гончія, добравшись до нихъ, сейчасъ-же закипѣли и повели впередъ... Послышалось подлаиванье.

— Значить одинъ ужъ готовъ!—соображаю.

Баць-баць! доносится изъ займища дуплетъ. Опять—подлаиванье, грызня, а псари слышно—въ сторонѣ. (Своры стояли въ степи, отъ Саратовки, на материковѣ). На рысяхъ качу въ займище, въ торопяхъ не попадаю на бродъ, но всежъ добираюсь до песка, вскакиваю на кручу и очутившись въ талахъ, ужъ ничего не слыша, наугадъ, спѣшу туда, гдѣ слышалась грызня. Собаки начинаютъ рвать и, чтобы облегчить ихъ, сбрасываю со своры. Чу! опять доносится грызня. Толкаю галопомъ (за водомоинами и кустами скакать во всѣ ноги нельзя) и упираюсь въ обрывъ надъ ерикомъ...

Принявъ на себя большую часть стаи, старуха дернула было по направленію къ степи, но наткнулась на Жижина, тотъ ее подбилъ изъ обоихъ стволовъ, гончія скоро осилили и звѣрь былъ зарѣзанъ.

Остальная часть стаи, одна молодежь, прихвативъ по прошлому, живо догнала его и начала щипать. Отгрызаясь отъ неберущихъ плотно собакъ, волченокъ добирается до берега, спрыгиваетъ съ кручи и, бросившись въ воду, плыветъ. Собаки за нимъ. Подскакавшій, управившись съ старухой, Антошка, мигомъ раздѣвается и оставшись въ одной рубахѣ, подпоясанной ремнемъ съ кинжаломъ, громко улюлюкая, на конѣ ринулся въ воду и поплылъ вслѣдъ за удаляющейся группой.

Подвалившійся на улюлюканье старый выжлецъ Рыдало обгоняетъ Антона и, добравшись до звѣря, беретъ его по мѣсту; но, исчезнувъ вмѣстѣ съ волченкомъ подъ водою, отрывается, повторяя эту штуку до тѣхъ поръ, пока волченокъ не добирается до мелкаго мѣста. Тутъ Рыдало, едва давъ звѣрю стать на песокъ передними ногами, по обыкновенію, взявъ, какъ слѣдуетъ (выжлецъ беретъ въ глотку такъ, что соструженные изъ-подъ него волкидохнуть) и—дѣлу конецъ. Видя примѣръ, молодые принялись тоже трепать... Проплывъ ужъ больше половины, лошадь подъ доѣзжающимъ, ни съ того ни съ сего, опрокидывается... Антошка окунается съ головой, запутывается какъ-то въ чумбуръ съ арадникомъ и, чуть не захлебнувшись, едва добирается назадъ.

Съ подскакавшимъ выжлятникомъ тщетно ищемъ мѣста

для переправы. Пробуемъ откчать затонувшую лодку—не-
чѣмъ. Вернувшаяся съ того берега стая между тѣмъ еще разъ
сплавала къ волку и еще разъ задала ему генеральную
трепку.

Съѣздили за волченкомъ ужъ послѣ конца охоты, разы-
скавъ хохла, указавшаго бродъ... Стало изрядно припекать.

При второмъ набросѣ той же дубины, гончія помкнули по
материку и повели назадъ. Ружейники проглядѣли; волкъ,
переплывъ озеро, врѣзался въ свиней, за нимъ стая и обяза-
ртившаяся молодежь принялась за нихъ.

Пока псарь обскакиваетъ озеро и бросивъ лошадей пѣш-
комъ добираются до свалки, одному подсвинку (раннему по-
росенку) выпускаютъ кишки, и я приказываю его отколоть...

Такъ какъ талы, куда ушелъ волкъ и куда, по всей вѣ-
роятности, сползли остальные молодые, были подны свиней,
то гончихъ конечно и не набрасывали, а подъ палящимъ зно-
емъ вернулись въ Покровское.

III.

Сорвалось.

Усни въ груди, змѣя воспоминанія,
Не нарушай печальвый мой покой!

(Не помню откуда).

Вернувшись 24 Августа домой, 25 числа прогоняю Антошку,
лихого ѣздока и прекраснаго доѣзжачаго (только голосишка
слабъ); мѣсто его заступаетъ извѣстный въ Саратовской гу-
берніи Иванъ Носанъ, псарь прежнихъ временъ, не симпа-
тичнаго мнѣ пошиба, но свое дѣло знающій, а вечеромъ 26
ужъ выступаю, вереть за 45 отъ Саратова, подъ второй
выводокъ, боясь, что въ праздники, 28 и 29 числа, его возъ-
мутъ Бабановскіе мужики.

Красный Колокъ, островъ, гдѣ былъ выводокъ, лежащій
на границѣ Саратовскаго и Камышинскаго уѣздовъ, я хотя
и знаю, но ни разу не бралъ, такъ какъ съ 76 года выво-
дился въ немъ волки всего одинъ разъ, да и то были вы-
нуты нѣмцами; для травли же другого звѣря, по своей несураз-
ности, онъ казался мнѣ неудобнымъ, состоя изъ цѣлаго ряда

котловинъ и отдѣляясь лишь узкой перемычкой отъ Сосновскаго Угора, тянущагося почти до самой колоніи Сосновки, а посему, учинивъ 27-го дневку, ѣду досконально все осмотрѣть.

Логова—въ одной изъ самыхъ заразистыхъ котловинъ, разѣдиняющихся между собою узкими и крутыми взлобками, сырѣчь полянистыми буграми. Травить больно скверно; стоять на лазахъ придется пѣшкомъ; привалать же молодежь на волчишкахъ очень желательно...

Едва успѣваю вернуться на хуторъ, какъ подъѣзжаютъ милѣйшіе ружейники, неугомонный балагуръ и весельчакъ Павелъ Ивановичъ, съ неизмѣннымъ товарищемъ и безобиднѣйшимъ старикомъ, баловникомъ молодежи и великимъ шутникомъ,—Василіемъ Васильевичемъ. Пообѣдавъ на пароходѣ, злодѣи повергаютъ насъ съ Василіемъ, Ваничкинымъ домоправителемъ, этимъ въ немалое огорченіе, такъ какъ старательно и обильно приготовленный обѣдъ оказываюсь вынужденнымъ пробовать я въ одиночествѣ. Зато чайкомъ побаловались въ компаніи изрядно.

Незадолго передъ кормежкой прибылъ и самъ Ваничка съ тестемъ, старымъ псовымъ охотникомъ и чуднымъ товарищемъ, Петромъ Николаевичемъ, волею судебъ и обстоятельствъ превратившимся въ ружейники и до сихъ поръ величающимъ фузею не иначе, какъ «чертовой мѣшалкой».

Бесѣда оживляется и, слушая неистощимаго Павла Ивановича, не успѣваемъ оглянуться какъ самоваръ смѣняется ужиномъ, ужинъ вновь—самоваромъ и, въ виду ранняго вставанія, часу въ десятомъ, расходимся по комнатамъ...

До Краснаго Колка версть 10 - 12. Боясь опоздать на утреннюю зарю, удираю такъ рано, что подъ островомъ приходится часа 1½—2 ждать.

Тишина въ воздухѣ полнѣйшая. Кругомъ все живое спитъ еще непробуднымъ, сладкимъ, предразсвѣтнымъ сномъ. Въ большомъ колонкѣ Таловкѣ даже собака не брехнетъ и лишь съ Волги доносится отдаленный шумъ пароходныхъ колесъ.

Привязавъ, съ натуги подтянутыми къ луку поводьями, чтобы не жевала листьевъ, лошадь къ дереву, растягиваюсь около нея навзничъ и, уставясь въ ясное, звѣздное небо, по-

гружаюсь въ охотничьи думы. Помѣстившись поодаль, Тимоѳеѣй, молча, наслаждается цыгаркой.

Осѣдающая роса дѣлаетъ платье волглымъ и свѣжесть начинаетъ давать себя чувствовать.

Налетаетъ предразсвѣтный вѣтерокъ; на небѣ, за Волгою, показывается розовая полоса.

Свѣжесть дѣлается чувствительнѣе и, соединясь съ охотничей лихорадкой, заставляетъ дрожать. Заволженская розовая полоса быстро увеличивается: начинаетъ брезжить, а я начинаю терять терпѣніе и, вскочивъ на ноги, берусь за часы.

— Прошлый-то разъ поздно выли? шепотомъ спрашиваю Тимоѳеѣя.

— Ужъ совсѣмъ разсвѣтавши-сь! — отвѣчаетъ.

Еще проходитъ около $\frac{1}{4}$ томительнаго часа. Чу! — крикнула старка куропатка, и голосъ ея, похожій на скрипъ намазаннаго колеса, рѣзко пронесшись въ воздухѣ, нарушаетъ его безмолвіе.

— Пора! — шепчу Тимоѳеѣю, взглянувъ еще разъ на часы, — а то ужъ скоро и охота придеть!...

Тимоѳеѣй выбирается на верхнюю опушку, а я, спрятавшись за шишку, глазъ не могу оторвать отъ дивной картины разсвѣта. Весь слухъ мой тамъ, — въ завѣтной котловинѣ, а свободный взоръ жадно впился въ чудную картину и мысль уносится куда-то далеко, далеко!

Я глядѣлъ какъ заря разгоралась вдали
И какъ мракъ, раздвигаясь, клубился,
И какъ бѣлый туманъ къ небесамъ отъ земли
Словно жертвенный дымъ возносился...

Между тѣмъ какъ внутри клокотало что-то бурное, духъ захватывающее, но особенно пріятное. Дыханіе участилось; сердце такъ громко стучить, что даже заглушаетъ тиканье часовъ; тѣлу ужъ не холодно, а жарко...

— Стой, гончія!... схватываетъ до нельзя напряженный слухъ сиѣлый окликъ Носана.

— Экъ ихъ нелегкая рано принесла! — вздрогнувъ, думаю. Внизу словно взвизгнула собака...

— Неужели охотники меня не поняли и пришли къ этому, а не къ тому хутору?! Вѣдь все дѣло испортятъ! — волнуюсь.

Внизу опять шумъ: какая-то грызня, потомъ визгъ. А Тимоея не слышно. Ну, думаю — все дѣло испорчено, будучи увѣренъ, что это погрызлись собаки на сворѣ у кого-нибудь изъ охотниковъ, и иду къ Тимоею.

Узнавъ, что даже мнѣ не было слышно вытья Тимоея, на авось, пробуемъ еще выть со взлобка, за которымъ я лежалъ, любуясь разсвѣтомъ, и не успѣла замереть послѣдняя нота вабы, какъ на выгонѣ около хуторка забрехало, завизжало что-то, затѣмъ завыло, погрызлось и — смолкло...

Надо перевидѣть, а то не знаю, въ которую котловину сойдутъ: впередъ или назадъ.

Осторожно добравшись кустами до выгона, переживаю весь выводокъ, занятый игрою. Но въ воздухѣ сѣро, полынъ на выгонѣ сѣра, волки сѣры, мельтешатся въ полынѣ и сосчитать сколько молодыхъ: 5 или 6, — не могу. Старики не такъ велики и оба тутъ.

Постоявъ нѣсколько времени, выхожу изъ-за куста и иду прямо на волковъ. Тѣ и въ усь себѣ не дуютъ, хотя не видѣть меня не могутъ. Вотъ ужъ я въ 60—70 шагахъ: славно бы старичковъ сръзать дуэлетомъ изъ Пилера! Тогда только вороватая молодежь, взапуски, бросается бѣжать въ котловину, а старики преравно шествуютъ за ними шагомъ, изрѣдка оборачиваясь въ мою сторону. Долетающій изъ котловины трескъ кустовъ довольно долго еще указываетъ направление семьи сѣрыхъ пріятелей...

Вскочивъ съ сѣдла, духомъ долетѣли до охоты, которая ждала у того самаго хутора, гдѣ слѣдовало, обрадовали радостной вѣсточкой и, не мѣнякая, тронулись, такъ что выходящее солнце уже застало 7 сворѣ и 3 стрѣлковъ стоящими на лазахъ, а стаю съ Носаномъ во главѣ, подходящую къ указаннымъ логовамъ. Вотъ ужъ псаря около того мѣста, гдѣ волки играли зарю; еще немного и... но — пырь русакъ изъ подъ самыхъ чутей, увалъ стаю въ Сосновскій Угорь и — пропало все, что сердцу мило! Сирѣчь — сорвалось!.. День — июльскій и хотя сильно вѣтряно, но жара и сушь смертельныя.

Въ котловину, гдѣ волки, стая попадаетъ лишь чрезъ 1½ часа, зарывшая. Шесть собакъ прихватываютъ по материку и, давъ по котловинѣ кругъ, выводятъ на меня, и я его съ

тріумфомъ проуживаю. Сильно зарьявъ, на глазахъ всѣхъ сворь, понукаемый еще болѣе зарьявшими гончими, материкъ нешибко перебирается изъ котловины въ котловину. Хотя и жарко, а перескочить его и принять на нѣсколько сворь можно было, да стая реветъ въ котловинѣ, гдѣ 5 или 6 прибылыхъ, на коихъ есть надежда привалать молодыхъ борзыхъ, а потому всѣ и застыли на мѣстахъ. Не давъ прибылому пройти и половины разстоянія къ сворамъ, гончія его захватили, да такъ и повалились около въ растяжку. 3 прибылыхъ видѣлъ Петръ Николаевичъ, 1—прошелъ мимо Павла Ивановича, который въ это время откалывалъ русака.

Старуха все время гона по старику и прибыломъ стояла въ опушкѣ противъ Ванички и смотрѣла на него, побѣждавъ лишь отъ приближенія Носана съ гончими. Тимошей рано бросилъ въ поперекъ собакъ, волчица вернулась назадъ, но сейчасъ же снова вынеслась налѣво, на фланговаго борзятника Панфила; и прежде нежели собаки того успѣли соскочить со своры, скрылась подъ кручей слѣдующей котловины.

Собравъ стаю, напоили ее; выкупали и метнули вновь въ волчью котловину; но кромѣ русаковъ, коихъ оказалось весьма много, ужъ ничего не нашли, и взявъ 5 штукъ, ушли домой, такъ какъ жирная стая легла въ лоскъ...

На слѣдующій день, 29 числа, день холодный и бурный. Снова взяли Красный Колокъ съ Сосновскимъ Угоромъ, но нашли лишь одного прибылого, который, едуру, дернулъ было шумовымъ въ чистое поле на колонокъ Таловку, да я его перевидѣлъ, перескакалъ и затравилъ, причемъ, къ стыду своему, долженъ сознаться, что изъ моей своры взялъ волченка по мѣсту въ глотку одинъ Ермоловскій «Любимъ 2-й» (сынъ «Карая 1-го» и «Удачи», Николая Петровича Ермолова) и лишь тогда стали, довольно пристально, тормошить и остальныхъ, приспѣвшихъ значительно раньше (у Любима расшиблена нога, вслѣдствіе чего онъ почти не скачетъ). Еще взяли 3 русаковъ, тѣмъ дѣло и кончилось.

Да-съ, сорвалось! такъ какъ послѣ этого выводокъ скочевалъ, и всѣ поиски за нимъ ни къ чему не привели.

В. Дмитриевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).